

Казимеж ДЕЙМЕК:

Законы искусства вечны

Наша первая встреча с директором и художественным руководителем театра «Польски» Казимежем Деймеком состоялась год назад в Варшаве. Но она была, что называется, протокольной. И ни о чем тогда не написала, потому что разговор был бессюжетным и не оставил ничего такого, чем хотелось бы поделиться с читателями. Но вот Казимеж Деймек приехал вместе с театром в Москву и привез два своих спектакля: «Дерево» Веслава Мысливского и «Вацлав» Славомира Мрожека. Я увидела оба и теперь сочла себя вправе продолжить ту, столь неловко начатую беседу: показало, что есть, о чем спорить и есть что сказать.

Сначала немного о «Дереве». Стоит на сцене огромное старое дерево, которое поручено двум рабочим спилить, так как здесь должно пройти шоссе. Они приходят, вооруженные пилой и топором, и тут оказывается, что их «производственный план» под угрозой. Ибо на дерево взобрался старый Вольтинчик. Он твердо решил или спасти его, или погибнуть вместе с деревом, потому что с ним связана память о предках, о любимой, об уже ушедших односельчанах, среди которых были и друзья, а был и фаши-

стский прихвостень, получивший партизанскую пулю.

И вот все они проходят перед нами под этим деревом: и живые, и мертвые — каждый со своей исповедью. Напрасно суетится инженер, крича, что у него срывается план. Бесплодными оказываются усилия милиционера, грозящего Вольтинчику. Он (в великолепном исполнении Игнаци Маховского) уже как бы сросся с этим Деревом, стал его горящей душой, обретшей право взвешивать чужие судьбы и поступки на весах истины, размышлять о смысле жизни и свободы, страдать от чужой боли и верить:

несмотря ни на что, человек останется Человеком.

Этот глубоко философский спектакль не отличается броскими постановочными эффектами. Да и вряд ли они нужны там, где слово авторов и создателей спектакля обращено к твоему уму, сердцу и памяти.

Уж если говорить о памяти... Давно-давно один индийский раджа задумал построить дворец на месте векового леса. Окрестные жители, чтобы спасти деревья, пришли на это место, и каждый обнял ствол.

— Рубите их вместе, — повелел раджа, полагая, что люди испугаются и разомкнут объяснения. И только когда триста человек и деревьев погибли, как брат с братом и сестра с сестрой, он переменил свое решение и построил дворец в другом месте. Там, в Индии, речь шла о дворце. Здесь, в польском спектакле, о шоссе, ведущем якобы в прекрасное будущее. Но разве это вопросы только защиты природы? Речь идет об экологии души, памяти, без которых невозможно будущее. Было очень обидно, когда после второго акта часть зрителей покинула зал. С этого грустного факта мы и начали свою беседу с Казимежем Деймеком.

— Пан Деймек, мне кажется, что это произошло потому, что в последние десятилетия наш театр постепенно отучал людей думать. Большинство драматургов тех времен напоминают мне чеховского героя, который с умным видом утверждал, что лошади едят овес, а Волга впадает в Каспийское море. Разве могла такая «плоскостопная» драматургия разбудить в человеке мысль, сомнения, работу души? Правда, сейчас у нас многое переменилось, и то большинство, которое осталось в зале, вселяет надежду, что духовная атмосфера в обществе становится более насыщенной. Это у нас. Но ведь и вам в Польше пришлось пережить нечто подобное. А как вы лично действовали в подобной обстановке? Приходилось ли вам ставить конъюнктурные вещи?

— На этот ваш вопрос ответить нелегко. Скажу так: я всячески старался уходить от этой, как вы точно сказали, «плоскостопной» драматургии, хотя она и у нас занимала довольно значительное место.

Но ведь были и другие ее типы. Например, всегда существовали пьесы реалистически-психологические, пытавшиеся натурально отразить если не саму жизнь, то хотя бы приблизиться к ней. Но поскольку в мире существуют «Три сестры», то между теми пьесами, о которых я говорю, и чеховскими творениями всегда ощущалась такая же разница, как между ямой и Эверестом. Так как Чехов был не только гением театра, но и великим поэтом, а это почти никому не дано.

Сейчас в чести публицистическая драма. Но в ней мы, как правило, имеем дело не с характерами, а скорее, с механизмами для оглашения текста. А ведь у Чехова ни один театальный персонаж не выступает резонером — это всегда человек и с достоинствами, и со слабостями. Он может не вызывать симпатии, тогда это будет жалость или обида за то, что он такой, но всегда он задевает одну из струн твоей души. Размышляя о драматургии послевоенного периода (я имею в виду вторую мировую), я пришел к убеждению, что если бы можно было создать антологию европейских пьес, оценивая их критерием общечеловеческого значения, то все равно первым остался бы Чехов.

— Пан Деймек, «Дерево» и «Вацлав» внешне и по сюжету, и по постановке так же непохожи, как Мысливский и Мрожек. И все-таки они представляют мне своего рода диптихом, размышлением о том, что без души, без памяти, без способности творить добро нет и не может быть человека. Вольтинчик — фигура изначально цельная, олицетворение совести людской. Вацлав — бывший раб, авантюрист, считающий, что свободный человек отличается от раба только тем, что должен любой ценой стать богатым и знаменитым, даже если для этого надо врать, предавать и торговать всем святым под лозунгами Свободы, Равенства и Братства. Он и с судьбой пытается заключить сделку. А что в итоге? В финале он ограблен более сильными и жестокими демагогами. Единственное его достоинство — сын. И тут-то в Вацлаве наконец пробуждается способность думать не только о себе. Он возжаждал добра и готов совершить его даже ценой собственной жизни.

В спектакле все актерские работы яркие и интересные, но Ян Энглерт — Вацлав — это не просто главный герой, это в какой-то мере все мы и каждый из нас. Глядя, как проживает на сцене жизнь Вацлава, утверждаешься в мысли: как бы ни погряз кто-то в мелких притязаниях к судьбе, компромиссах и недостойных деяниях, у него всегда остается возможность очиститься и стать

Человеком. Я слышала отзывы некоторых зрителей о том, что, мол, оба спектакля очень драматичны, нет счастливого конца. Но разве за то, что человек остается или становится человеком, надо выдавать ему награду? И еще неизвестно, кому труднее — Вольтинчику, который по праву честно прожитой жизни творит свой праведный суд, или Вацлаву, пришедшему к истине через искушения, ложь и суету сует? Как тут не вспомнить прекрасные строки поэта: «В двадцатый век бродивших по дороге среди пожарниц к мысли привело: легко быть зверем и легко быть богом, — быть человеком — это тяжело».

Разделяете ли вы мои суждения, пан Деймек? Что побудило вас привезти в нашу страну именно эти спектакли?

— Это работы из нашего ежедневного репертуара. И тем не менее именно их мы решили показать советским зрителям в завершение фестиваля польской драматургии. Меня очень радует, что то, ради чего я ставил эти пьесы, дошло до тех, кто их увидел.

— Я всегда была убеждена, что постоянное сотрудничество театра с драматургом — дело полезное и для автора, и для театра, ибо они вместе создают его неповторимое лицо. У вас поставлены уже три пьесы Веслава Мысливского и шесть пьес Славомира Мрожека. Продолжаются ли эти контакты?

— Да, Мысливский пишет для нас очередную пьесу, надеюсь поставить ее во второй половине сезона. Там будет другая среда, другое время, но разговор о состоянии души человеческой будет продолжен. Мысливский очень интересен не только как драматург, но и как писатель. Его роман «Намень на камне», пользующийся огромным успехом в Польше, прекрасно переведен на русский язык пани Старобельской, и я очень рекомендую вам его прочесть.

А Мрожек... Я не отрекаюсь от высказанного выше утверждения, что гением современной драматургии по-прежнему остается Чехов. Но как режиссер я счастлив, что имею возможность ставить пьесы Мрожека, которые пользуются колоссальным успехом не только в нашей стране. В этом сезоне мы поставим его «Альфю», никогда не игранную у нас прежде, а затем придет очередь «Танго». В первой половине будущего года я надеюсь получить его новую пьесу.

— Пан Деймек, на днях вы встретились с прилетевшим в Москву на один день из Ставрополя Михаилом Александровичем Ульяновым — он там на гастролях со своим театром. Мне кажется, у вас с ним немало общего. Вы оба возглавляете театры, которые являются национальным достоянием культуры каждого из наших народов. Вы оба руководите театральными союзами, а это очень серьезное дело в наше непростое время, когда и люди искусства, увлекшись обретенными правами, подчас отставляют на второй план свои обязанности — и профессиональные, и даже гражданские. Нашли ли вы общий язык?

— Да, это был очень хороший разговор. Мы во многом единомышленники в творческих вопросах. Ульянов заинтересовал меня одним своим замыслом. Надеюсь, что нам общими силами удастся его осуществить, когда он примет более конкретные очертания. Я рад возможности нашего сотрудничества, ибо, как бы ни менялись политические ситуации, законы искусства вечны и объединяют тех, кто им верен. Хватило бы только жизни исполнить все задуманное.

Беседу вела
Ирина ПИРОГОВА.